

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.22>

Береснева Людмила Николаевна, Надежкин Алексей Михайлович

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ ВОСКРЕШЕНИЯ ЛАЗАРЯ В ТРУДАХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ IX-XI ВВ. И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается проблема интерпретации библейского сюжета воскрешения Лазаря в трудах латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийской литературе. Исследователи представляют российскому читателю новые данные из не переведенных ранее трудов Ремигия Осерского, Одона Ключийского, Иоанна Картезианца, Георгия Кодина, энциклопедиста Максима Плануда, императора Иоанна VI. В работе сравнивается восприятие средневековыми писателями евангельской легенды воскрешения Лазаря со святоотеческими творениями IV-V вв. В результате проведенного анализа комментариев латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийских писателей исследователями были выявлены сходства между общесвятоотеческим толкованием XI главы от Иоанна и восприятием легенды о Лазаре средневековыми христианскими авторами, а также различия в экзегезе церковных писателей, в произведениях которых читатель видит динамику проходящих веков в жизни церкви, где легенда о Лазаре является ответом на теологические вызовы, стоящие перед христианством.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 96-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Дата поступления рукописи: 12.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.22>

В статье рассматривается проблема интерпретации библейского сюжета воскрешения Лазаря в трудах латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийской литературе. Исследователи представляют российскому читателю новые данные из не переведенных ранее трудов Ремигия Осерского, Одона Ключийского, Иоанна Картезианца, Георгия Кодина, энциклопедиста Максима Плануда, императора Иоанна VI. В работе сравнивается восприятие средневековыми писателями евангельской легенды воскрешения Лазаря со святоотеческими творениями IV-V вв. В результате проведенного анализа комментариев латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийских писателей исследователями были выявлены сходства между общесвятоотеческим толкованием XI главы от Иоанна и восприятием легенды о Лазаре средневековыми христианскими авторами, а также различия в экзегезе церковных писателей, в произведениях которых читатель видит динамику проходящих веков в жизни церкви, где легенда о Лазаре является ответом на теологические вызовы, стоящие перед христианством.

Ключевые слова и фразы: Священное Писание; библейская легенда о воскрешении Лазаря; византийское и латинское христианство; патристика; история церкви; экзегетика; сюжет; гомилия; апологетика.

Береснева Людмила Николаевна, к. пед. н., доцент
Российский государственный университет правосудия, г. Москва
mila1012101@mail.ru

Надежкин Алексей Михайлович, к. филол. н.
г. Нижний Новгород
aleksej1001@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ ВОСКРЕШЕНИЯ ЛАЗАРЯ В ТРУДАХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ IX-XI ВВ. И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В настоящее время наблюдается в отечественной филологической науке рост интереса к Священному Писанию, который обусловлен, во-первых, непреходящим значением нравственного потенциала великой книги, которая привлекает исследователей уникальным текстом, поражает идейным, жанровым и стилистическим содержанием. Во-вторых, в научном сообществе есть необходимость осмысления собственного религиозного наследия через святоотеческие творения. Библейская легенда о воскрешении Лазаря, содержащаяся в 11 главе Евангелия от Иоанна, ставшая одним из самых значимых библейских сюжетов, всегда привлекала внимание богословов, философов, культурологов и филологов.

Кратко напомним историю Лазаря из Вифании. Он был другом Иисуса Христа, у которого Сын Божий не раз останавливался в доме и всегда находил заботу и сердечное тепло. В возрасте тридцати лет Лазарь заболел и умер. Увидев на четвертый день после похорон, как сестры Лазаря безутешны в горе, Христос воскресил их брата после смерти. И это чудо видели, кроме учеников Иисуса и родни Лазаря, многие люди. Лазарь был вынужден после воскрешения из-за преследований покинуть Иудею, перебраться на Кипр, где восемнадцать лет прослужил епископом. После воскрешения он прожил еще тридцать лет и во второй раз скончался.

На эту библейскую историю написаны десятки богословских толкований Святых Отцов. К ней обращались Ириней Лионский, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Ефрем Сирийский, Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин и т.д. Воскрешение Лазаря является одним из упоминаемых в христианской литературе сюжетов, потому что в нем говорится о победе над смертью, и с древних времен благодаря этой библейской легенде многие люди приходили к вере во Христа. История Лазаря так богата смыслами, что к ней обращались в разное время и светские литераторы России: Ф. Достоевский, Л. Андреев, А. Ахматова, М. Цветаева, И. Бродский...

Восприятие евангельской легенды о воскрешении Лазаря является актуальной проблемой современной филологии, так как существует крайне мало исследований, которые занимались бы рассмотрением данной темы. Ни в отечественной, ни в зарубежной филологии мы не встретим подробного изучения легенды о Лазаре, тем более не найдем тщательного историко-философского рассмотрения этого библейского сюжета в исследовании непереведенных на русский язык латинских и греческих источников.

В качестве современных научных работ, косвенно затрагивающих эту тему, можно назвать докторскую диссертацию Н. М. ван Доесен «Древние североисландские легенды о св. Марии Магдалине и Марфе» [5], защищенную в Висконсинском университете в Мэдисоне, и недавнюю монографию А. М. Надежкина «Толкование на воскрешение Лазаря Святых Отцов II-V вв.» [3]. Но диссертационное исследование Н. М. Ван Доесен концентрирует внимание на образах сестер Лазаря, потому что не вполне отвечает теме нашей статьи. К тому же автор диссертации отождествляет Марию, сестру Лазаря, с Марией Магдалиной вслед за западной традицией, опирающейся на Блаженного Августина, а этот факт говорит о том, что автор недостаточно знаком с объемной восточной экзегетической литературой, разделяющей эти два образа. Монография

А. М. Надежкина «Толкование на воскрешение Лазаря Святых Отцов II-V вв.» охватывает не всю историю анализа этого сюжета, а ограничена временным периодом, который обозначил исследователь II-V веками. Часть текстов замечательных авторов-эксегетов оказалась за рамками проведенного исследования, что свидетельствует о некоторой неполноте, которая восполняется данной статьей.

Актуальность этой статьи заключается в том, что авторы обращаются к не переведенным ранее латинским документам IX-XI вв., в которых средневековые богословы-писатели размышляли над XI главой Евангелия от Иоанна. При написании статьи по данному периоду были изучены тома корпуса текстов “Patrologia Latina” с 126 по 164.

Научная новизна состоит в том, что в статье авторы обращаются к библейскому сюжету о воскрешении Лазаря, который в отечественной филологической науке недостаточно исследован. Разрозненные высказывания латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийских писателей собраны, осмыслены и стали доступны широкому читателю. Культурное влияние библейской легенды о воскрешении Лазаря на литературу огромно, и глубокое богословское толкование средневековых писателей-богословов этого сюжета поможет найти ключ к осмыслению многих произведений христианской культуры.

Цель нашей статьи – изучить комментарии средневековых авторов на библейскую легенду о воскрешении Лазаря, выявив сходные черты их учения, характерные для общесвятоотеческого предания, и особенно, которыми отличаются экзегезы различных авторов, а также ответить на вопрос, почему данная евангельская история была так важна для верующих.

Анализируя труды латинских писателей-богословов периода IX-XI вв., мы отмечаем, что они испытывали идейную зависимость от великого мыслителя Блаженного Августина. Так, французский богослов, филолог, литератор и просветитель 2-й половины IX в. Ремигий Осерский в своем труде «Эксегетика» толковал воскрешение Лазаря тоже в духе Августина, который в своем труде «Толкование на Евангелие от Иоанна» (Трактат 49 «Воскресение Лазаря») уделил особое внимание проблеме христианина-грешника. Блаженный Августин говорил, что существуют разные степени поражения человека грехом: грех, совершаемый только в мыслях, грех, который охватывает душу глубже, когда человек решается на зло, и самый страшный пример духовного умирания – это Лазарь: грех стал для него привычным, он не чувствовал греха [Там же, с. 266-267]. И Ремигий Осерский считал, что смерть Лазаря – это символ нераскаянного греха. Автор «Эксегетики» аллегорически толковал выражение Библии: «Лазарь смердел». Для него слово «смерд» означало пороки человека, укорененность его в грехе, которая приводит человека в отчаяние, потому что он думает, что не сможет исправиться: «Лазарь уже смердел, но Господь восставил его из гроба, [и это] символизирует его душу, которую непрестанно влечет к дурным делам, и от многолетней привычки и множества грехов теперь смерд отчаяния умерщвляет его по восставлению». / “Lazarus jam fetidus quem tamen Dominus resuscitavit de monumento significat animam illam quae usque ad operationem peccatum perducit, et ex longa consuetudine et nimio vitiorum fetore jam in desperationem suae restorationis cecidit” [9, p. 151]. Но в толковании евангельского сюжета Ремигий Осерский допускает неточность, так как путает Лазаря с воскрешенным юношей, единственным сыном вдовы Наинской, чудо воскрешения которого рассказано в Евангелии от Луки, а легенда о Лазаре описана только в Евангелии от Иоанна. Слова Христа: “Et Dominus dixit ad eum: Adolescens, tibi dico, Surge”. / «И сказал ему Господь: “Юноша, тебе говорю, встань!”» (Лк. 7:14) – были сказаны умершему сыну Наинской вдовы, и тот встал из гроба во время похоронной процессии, которую Христос увидел. Призыв Христа к умершему Лазарю, которого Иисус хорошо знал и к которому обратился по имени, повелев выйти из пещеры, звучал в Евангелии от Иоанна так: «Лазарь, иди вон!» (Ин. 11:43). Ремигий делает основанный на неверных данных вывод, что Лазарь был очень молод – “quod significatur per hoc quia juvenis erat” [Ibidem]. Общеизвестно, что Лазарь умер, когда ему было 30 лет, но вряд ли в Средние века в этом возрасте взрослого, состоявшегося человека можно назвать юношей.

Иногда влияние трудов Августина при обращении к легенде воскрешения Лазаря ощущается в произведениях латинских авторов IX-XI вв. имплицитно. Так, Одон Клунийский, ученик Ремигия Осерского, монах-бenedиктинец, католический святой (X в.), во «Второй гомилии о Марии Магдалине» кратко пересказал события воскрешения Лазаря и дал новое интересное толкование. Размышляя над темой греха христианина, писатель-богослов настаивал, что воскрешение души возможно только при покаянии, и потому считал, что «пролитие слез» – это аллегория исповеди и раскаяния в грехах. И «как Лазарь по пролитии слез чудесным образом восстал в теле, так и грешники после пролития слез, которое есть достойное умерщвление плоти, восстают в душе грешной». / “Et sicut Lazarus post effusionem lacrymarum, mirantibus turbis resuscitatur a corpora; ita et peccatores post compunctionis lacrymas, digna carnis maceratione peracta resuscitantur in anima impio” [10, p. 718]. Следуя за Блаженным Августином, Одон Клунийский также призывал не отчаиваться в своих грехах, а, помня о милости Божьей, через покаяние приходите в святую церковь, так как воскресение душ осуществляется по вере.

Обращался к проблеме воскресения Лазаря и монах Иоанн Картезианец. Через воскрешение Лазаря и воскресение Христово он дает представление христианам, каким будет всеобщее воскрешение. Иоанн Картезианец писал: «Помните, что Иисус Христос воскрес из мертвых. Один Иисус воскрес из мертвых, и с тех пор не умер, и умереть не мог. А Лазарь, хотя и воскрес из мертвых, снова претерпел смерть». / “Memor esto Christum Jesum resurrexisse a mortuis. Solus Christus a mortuis resurrexit: quia postea nec actum mortalitatis habuit nec mori potuit: sed Lazarus et quicumque resuscitati, mortum iterum passi sunt” [11, p. 464]. Автор указывает здесь на важное различие между воскрешением Лазаря, который и после воскрешения

остался смертным, и воскресением Иисуса Христа, который своей смертью искупил людей от рабства греха и смерти и присоединяясь к которому человек приобретает жизнь вечную.

А теперь обратимся к «Слову о трех днях Страстей Господних, воскресении и вознесении» автора XI века – Вернера, аббата св. Блеза, который написал несколько гомилий, где упоминалась легенда о воскрешении Лазаря. В своем произведении аббат Вернер через сюжет о воскрешении Лазаря учил по-христиански относиться к болезням, недугам. Богослов писал, ссылаясь на Второе послание Павла Коринфянам: «И чтобы я не превозносился необычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12:7). Аббат Вернер вспоминал те случаи из Писания, когда болезнь была «послана к славе Божьей», то есть к последующему исцелению. Он писал, что Иисус спас расслабленного и слепого, которые ни сами не согрешили, ни родители их, а чтобы на них явились дела Божьи. В этом ряду он вспоминает и Лазаря, «болезнь которого была не к смерти, а к славе Божьей» [12, р. 1177-1178]. Автор обращал внимание христиан на то, что и достойные люди тоже страдали от болезней, но муки эти временны, чтобы человек осознал несправедность своей жизни. А люди, проживающие на земле нечестивую жизнь, подобно «Антиоху (очевидно, Антиоху Эпиману, поставившему в Иерусалимском храме статую Зевса для поклонения) или Ироду, поражаются вечным проклятием, их болезни неизлечимы: "...aut ad inchoationem damnationis aeternae, quod reproborum est proprium, sicut Antiochus et Herodes" [Ibidem].

А теперь обратимся к восприятию толкований легенды воскрешения Лазаря на закате византийской культуры. К сожалению, поздневизантийская литература XIII-XV вв. для современного филолога, философа остается некоей "terra incognita" – история, которая известна только узкому специалисту. Этот факт объясняется тем, что долгое время подобная литература была под идеологическим запретом для советской школы литературоведения и философии. Вторая причина вытекает из первой: огромный пласт поздневизантийской литературы, как исторической, так и философской, богословской, оказался не только не осмысленным современными филологами, но и непереуведенным. А ведь византийская культура – прежде всего культура христианская, и это обстоятельство актуализирует проблематику данной статьи и привлекает внимание филологов к малоизвестным, непереуведенным византийским авторам. Данная статья также имеет и частную цель – исследовать восприятие поздневизантийских авторов евангельской легенды о воскрешении Лазаря Четверодневного.

Напомним, что византийская литература XIII-XV вв. создавалась в тяжелое время раздробленности империи и стала более светской, поэтому к сюжету о воскрешении Лазаря обратились лишь несколько авторов: Георгий Кодин, Максим Плануд, император Иоанн VI. Необходимо отметить, что тексты, исследованные в этой статье, на русском языке публикуются впервые по переводу, выполненному одним из авторов статьи – А. М. Надежким. Оригиналы на греческом языке с параллельным переводом на латинский находятся в полном собрании документов на греческом языке "Patrologia Graeca". В ходе поиска произведений указанного периода, в которых бы встречалось осмысление этого евангельского сюжета, были исследованы тома "Patrologia Graeca" (138-161).

Так, в конце XIII в. замечательный византийский ученый, переводчик, писатель Максим Плануд написал гомилию «Слово о теле Господа Бога нашего Иисуса Христа во Гробе и слезах Пречистой Матери Господа нашего» [6, р. 1001], где сказал, что «смерть Лазаря была нужна для его необычного восстановления» ("Quod si revera hic est, qui nobis eripuit Lazarum, necesse est ipsum extrema moliri") и сравнил его с Энохом – человеком, не вкусившим смерти. В этом толковании Максим Плануд опирался на предшествующую традицию Афанасия Великого и Ефрема Сирина.

В XIV в. единственный богословский комментарий к сюжету о воскрешении Лазаря оставил император Иоанн VI Кантакузин в своей «Третьей апологии на мусульман». Он верно угадал «арианскую закваску» ислама, которая заключается в том, что мусульмане не признают божественности Иисуса Христа, а считают его лишь человеком, и в качестве полемики использовал те же аргументы, что никейские богословы против ариан. Арианство – это религиозное течение в IV-VI вв., представители которого говорили об изначальной тварности¹ Бога-Сына, основываясь на вульгарном понимании некоторых мест в Библии и более ранних гностических ересьях, таких как учение Павла Самосатского о «двух Христах». Арианство было осуждено на Первом Вселенском Соборе, который утвердил догмат о единосущии Отца и Сына: «Верую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, едиnorodного, рождённого от Отца прежде всех веков, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, не сотворённого, единосущного Отцу, через Которого всё сотворено» [4].

В «Апологии» Иоанн VI Кантакузин пересказал не всю историю Лазаря, а лишь значимые стихи с богословской точки зрения. Иоанн VI размышлял о богочеловеческой природе Христа, потому что Он имел власть не только над живыми людьми, но и над мертвыми. Император Иоанн строит доказательство божественности Сына на Его всеведении: «Не был незнающим Христос, когда... в отношении Лазаря Он сказал перед тем, как тот умер: "Лазарь, друг наш, умер" и, когда пришел, не было нужды ему спрашивать: "Где положили его?", но воззвал громким голосом: "Лазарь, иди вон!". И мертвый вышел, услышав повеление Господа, и, повторяю, Христос совершил это, являя и человеческую, и божественную Свою природу: так, спрашивал Он тогда апостолов, чтобы явить себя и как Бога, и как человека, чтобы начинающие быстрее постигли истину». / "Christus vero non quasi ignorans... de Lazaro priusquam moreretur dicebat: 'Lazarus, amicus noster, mortuus est'... profectus vero illuc interrogavit: 'Ubi posuistis eum'. Deinde cum auctoritate dixit: 'Lazare, exi foras', et obedivit examines

¹ «Тварностью» называется все, созданное в несовершенном земном мире, которое имеет начало, оно не единосущно рождающему его Творцу, ибо творение происходит не из сущности Бога, а лишь по Его воле.

verbo Domini; ut inquam Christus haec fecit, ostendens suam divinitatem et humanitatem: sic etiam nunc interrogavit discipulos, ut ostenderet se Deum esse et hominem, et ut a parvis initiis ad fastigium veritatis perduerentur” [7, p. 522].

Аргументация «Апологии» Иоанна Кантакузина имеет много сходств, например, с «Третьим словом против ариан» Афанасия Великого. Св. Афанасий в доказательстве Божественности Сына опирался на Евангелие от Иоанна, говоря, что оно возвестило нам о Спасителе две истины: «Он всегда был Бог, и есть Сын, будучи Словом, сиянием и Премудростию Отца, и что напоследок ради нас, приняв на Себя плоть от Девы Богородицы Марии, сделался человеком» [1, с. 406]. В антиарианском споре для св. Афанасия было чрезвычайно важно толкование на воскрешение Лазаря, в котором он видел действие одновременно и Божественной, и человеческой природы Христа: «Лазаря как человек воззвал человеческим гласом, а как Бог воскресил Лазаря из мертвых» [Там же, с. 409].

Также можно увидеть сходства этой «Апологии» с другими произведениями ранних православных авторов, например, с Ефремом Сириным, который писал, что в чуде о Лазаре Христос показал как Свое Божество, так и человеческую природу [2, с. 257]. «Апология» Иоанна VI применялась в дискуссии с мусульманами, и этот апологетический опыт, накопленный в предшествующих столетиях, оказался востребованным при взаимодействии двух религий.

А вот хронист XV века Георгий Кодин упоминает воскрешение Лазаря уже не по богословскому поводу, а в светской летописи: он рассказывает о строительстве императором Львом Мудрым (IX век) Лазаревского монастыря в Константинополе. Георгий Кодин в своем произведении «О зданиях Константинополя» («De aedificiis Sropolitanae») писал, что монастырь Святого Лазаря «построил император Лев Мудрый и населил его монахами и перенес туда святые мощи Мироносицы-Марии и Лазаря из Кипра и Вифании и поместил там». / “Ἡ μονή τοῦ αἰγίου Λαζάρου παρὰ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ ἐκτίσθη. Μοναχοῦς δέ ευνοῦχοῦς ἐν αὐτῇ τετύλωκεν. Ἐφερὲ καὶ τὸ λείψανον αἰτοῦ Κῦπρου καὶ Βιθυνίας τῆς τε μυροφόρου Μαρίας καὶ Λαζάρου, καὶ ἐκεῖ ἀπέθετο” [8, p. 611].

Итак, отталкиваясь от проведенных исследований текстового материала произведений латинских авторов IX-XI вв. и поздневизантийских писателей, посвященных библейскому сюжету воскрешения Лазаря, можно сделать следующие **выводы**:

1. Христос допустил коснуться тления Лазаря, чтобы воскресить его потом, проявляя свою божественную природу.
2. Различие смерти Христовой и смерти Лазаря заключается в том, что Иисус по своей свободной воле принял страдания и смерть, а Лазарь – невольно.
3. Евангельская легенда о воскрешении Лазаря из мертвых имеет особое значение – это чудо, показывающее власть Бога над смертью и возвещающее всеобщее воскрешение.

В Средние века на интерпретацию библейской легенды о воскресении Лазаря большое влияние оказали трактаты Августина с толкованием на Евангелие от Иоанна. В произведениях латинских писателей-богословов периода IX-XI вв. поздневизантийских писателей это место Евангелия понимается классически в соответствии с лучшими образцами Лазаревых гомилий IV-V вв. Библейская легенда о Лазаре в XIII-XV вв. актуализируется для новых апологетических целей – диалога с исламским богословием. В последние века византийской империи наблюдается снижение интереса богословов, хронистов, философов к интерпретации сюжета о воскрешении Лазаря. Необходимо отметить, что в XV в. появились новые хроники, в которых воскрешение Лазаря осмыслялось не в богословском, а в историческом контексте, связанном с деяниями императоров.

Список источников

1. **Афанасий Великий.** Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского: в 4-х т. Сергиев Посад: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 1902. Т. 2. 494 с.
2. **Ефрем Сирий.** Творения: в 8-ми т. М.: Отчий Дом, 1995. Т. 8. 354 с.
3. **Надежкин А. М.** Толкование на воскрешение Лазаря Святых Отцов II-V вв. Нижний Новгород, 2017. 320 с.
4. **Никео-Цареградский Символ веры** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Никео-Цареградский_Символ_веры (дата обращения: 12.08.2019).
5. **Deusen N. M. van.** The Old North-Islandic Legend of Saints Mary Magdalen and Martha. Wisconsin: University of Wisconsin-Madison, 2012. 316 p.
6. **Migne J.-P.** Patrologiae cursus completus: in qua prodeunt patres, doctores scriptoresque ecclesiae Graecae // Patrologia Graeca. P.: Lutetiae, 1857. Vol. 147. 1327 p.
7. **Migne J.-P.** Patrologiae cursus completus: in qua prodeunt patres, doctores scriptoresque ecclesiae Graecae // Patrologia Graeca. P.: Lutetiae, 1857. Vol. 154. 1456 p.
8. **Migne J. P.** Patrologiae cursus completus: in qua prodeunt patres, doctores scriptoresque ecclesiae Graecae // Patrologia Graeca. P.: Lutetiae, 1857. Vol. 157. 1310 p.
9. **Migne J.-P.** Patrologia cursus completus sive Bibliotheca universalis... omnium SS. Patrum... // Patrologia Latina. P.: Apud J.-P. Migne, 1884. Vol. 131. 1188 p.
10. **Migne J.-P.** Patrologia cursus completus sive Bibliotheca universalis... omnium SS. Patrum... // Patrologia Latina. P.: Apud J.-P. Migne, 1853. Vol. 133. 1048 p.
11. **Migne J.-P.** Patrologia cursus completus sive Bibliotheca universalis... omnium SS. Patrum... // Patrologia Latina. P.: Apud J.-P. Migne, 1854. Vol. 153. 1175 p.
12. **Migne J.-P.** Patrologia cursus completus sive Bibliotheca universalis... omnium SS. Patrum... // Patrologia Latina. P.: Apud J.-P. Migne, 1854. Vol. 157. 1310 p.

**INTERPRETATION OF THE BIBLICAL LEGEND OF LAZARUS'S RESURRECTION
IN THE WORKS OF THE LATIN AUTHORS OF THE IX-XI CENTURIES
AND IN THE LATE BYZANTINE LITERATURE**

Beresneva Lyudmila Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Russian State University of Justice, Moscow
mila1012101@mail.ru

Nadezhkin Aleksei Mikhailovich, Ph. D. in Philology
Nizhny Novgorod
aleksej1001@gmail.com

The article considers the problem of interpreting the biblical legend of Lazarus's Resurrection in the works of the Latin authors of the IX-XI centuries and in the late Byzantine literature. The researchers introduce new information acquired from the previously untranslated works by Remigius of Auxerre, Odo of Cluny, John the Carthusian, George Kodinos, encyclopedist Maximus Planudes, emperor John VI. The paper compares medieval perception of the biblical legend of Lazarus's Resurrection and the interpretation proposed by Holy Fathers in the IV-V centuries. Analysing commentaries of the Latin authors of the IX-XI centuries and the late Byzantine writers, the researchers identify similarities between patristic interpretation of John chapter XI and medieval Christian perception of the legend of Lazarus. The paper also reveals differences in the exegesis of ecclesiastical writers, whose works represent dynamics of the key events in the life of the church, where the legend of Lazarus is a response to theological challenges facing Christianity.

Key words and phrases: Holy Writing; biblical legend of Lazarus's Resurrection; Byzantine and Latin Christianity; writings of the Early Fathers; history of church; exegetics; plot; homily; apologetics.

УДК 82.091

Дата поступления рукописи: 11.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.23>

В статье на материале русской литературы XIX в. и английского постмодернистского романа «Земля воды» (1983) анализируются психология литературного персонажа (преступника) и условия, при которых герой из объекта расследования сыщиков трансформируется в рефлексирующего субъекта, расследующего свое преступление. Цель работы – рассмотреть в сравнительном аспекте ситуации детективного характера, описанные Достоевским, Толстым и Грэмом Свифтом. Автор исследует следующие аспекты расследования: психологический взгляд «вовнутрь», анализ внешне-социальных факторов, ретроспективно-исторический анализ.

Ключевые слова и фразы: преступление; следователь; Г. Свифт; детективный жанр; интериоризация; экстериоризация; психология.

Варёшин Никита Владимирович

Московский государственный лингвистический университет
skainik@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ ГЕРОЯ-СЛЕДОВАТЕЛЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО, Л. Н. ТОЛСТОГО, Г. СВИФТА**

Главной характеристикой зародившегося в XIX в. детективного жанра (от лат. *detectio* – «раскрытие») является раскрытие сыщиком в процессе расследования обстоятельств загадочного преступления. Детектив – это жанр, «сюжетная коллизия которого построена на поиске путей разрешения какой-либо сложной и запутанной задачи, в конечном итоге связана с обретением истины» (здесь и далее курсив автора статьи. – Н. В.) [9, с. 30]. Если в детективном жанре писатели придают загадочность преступлению, то для представителей классической литературы главной загадкой является человеческая душа, которая во многом способствует неоднозначности характера. Мыслительные процессы подталкивают человека на неожиданные (не только для окружающих, но и для него самого) поступки: «Апофатика описывает спонтанное, а следовательно – непредсказуемое взаимодействие дифференцированных функций психики героя, побуждающее его совершать неожиданные поступки» [2, с. 353].

Актуальность темы детективного исследования человеческого характера определяется интересом литературных авторов XIX века к психологическому анализу человеческой души. В. Е. Хализев писал, что литература издавна ставила целью изображение внутреннего мира человека, характеризующегося психологической мобильностью: «Интерес литературы к психологическим состояниям изначален. <...> Формы освоения душевно-духовной сферы со временем меняются и обогащаются» [14, с. 188]. Писатели в своих произведениях принимают попытку раскрыть, как детективную тайну, человеческое поведение и мотивацию действий. Обращение к психологической концепции более земного, в отличие от романтического «сверх-героя», персонажа А. В. Карельский назвал «дегероизацией». Ее суть – в «размежевании с романтической традицией “необыкновенного” героя, обращение к последовательному реализму, к правде повседневного бытия» [6, с. 198].